

## КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И ТИПОЛОГИЯ РОЛЕВОГО МАРКИРОВАНИЯ

### ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В статье описывается место классических языков в контексте типологии ролевого маркирования, или, по терминологии Г. А. Климова, контенсивной типологии.<sup>1</sup> В соответствии с данной типологией языки распределяются на типы в зависимости от различного маркирования основных семантических ролей. Представляется, что некоторые аспекты грамматики латыни и древнегреческого могут быть интерпретированы с применением теоретических разработок этого направления лингвистической типологии. Взгляд на классические языки через призму явлений языков с совершенно отличной традицией их описания может помочь по-новому интерпретировать ряд дискуссионных моментов в их грамматике. С другой стороны, материал классических языков может быть весьма полезен для обогащения типологии новыми интересными данными.

Начальным этапом ролевой типологии, видимо, можно считать замечание К. Уленбека об эргативном характере индоевропейского падежа на *-es*.<sup>2</sup> Эта типология разрабатывалась в работах Ч. Филмора, Г. А. Климова, Р. Диксона, А. Е. Кибрика и многих других.<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> Г. А. Климов. *Принципы контенсивной типологии* (М. 1983). Следует отметить, что перевод термина на английский язык (*contensive*) оказывается непонятным зарубежным коллегам. Не всегда оказывается понятным и другой вариант перевода – *content oriented typology*. Исходя из этого мы пользуемся более прозрачным, хотя и некомпактным, термином *типология ролевого маркирования*.

<sup>2</sup> С. Uhlenbeck. *Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen // Indogermanische Forschungen* 12 (1901). Более подробно об истории данного направления лингвистической типологии см. Климов (прим. 1).

<sup>3</sup> Ch. Fillmore. *The Case for Case // Universals of Linguistic Theory* (New York 1968) 1–88; Г. А. Климов. *Очерк общей теории эргативности* (М. 1973); он же. *Типология языков активного строя* (М. 1977); он же (прим. 1); R. M. W. Dixon. *Ergativity* (Cambridge 1994); А. Е. Кибрик. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфичное в языке* (М. 1992); он же. Иерархии, роли, нули, маркированность и аномальная упаковка грамматической семантики // *Вопросы языкознания* 4 (1997) 27–57;

В *аккузативных*, или *номинативных*, языках субъект любого глагола выражается одинаково – номинативом (обычно формально немаркированным), а объект – отличным способом, т. е. *аккузативом* (русский, английский, латынь, греческий). В *эргативных* языках субъект непереходного глагола выражается так же, как объект переходного – абсолютивом (обычно формально немаркированным), а субъект переходного глагола – эргативом (баскский, чукотский).<sup>4</sup> В языках *активно-стативного* строя субъект активного непереходного глагола ('бежать') выражается так же, как субъект переходного глагола, а субъект стативного непереходного глагола ('быть белым') – так же, как объект переходного глагола (некоторые языки Северной и Южной Америки; ряд лингвистов считает, что к данному типу относился праиндоевропейский язык).<sup>5</sup> А. Е. Кибрик характеризует *аккузативную* и *эргативную* стратегии как синтаксически ориентированные (маркируются синтаксические роли субъекта и объекта), а *активную* стратегию – как семантически ориентированную (маркируются семантические роли агенса и пациенса).<sup>6</sup> В его работах упоминаются также *контрастивная* и *нейтральная* стратегии ролевого маркирования.<sup>7</sup> При этом *контрастивная* стратегия (наименее экономичная) характеризуется как *неустойчивая* и *переходная* между эргативностью и *аккузативностью*. В качестве языков с подобной стратегией упоминаются только моту (Новая Гвинея) и варташенский диалект удинского языка (северо-кавказские). К языкам с *нейтральной* стратегией предположительно относятся только языки лису (тибето-бирманские) и риау (индонезийские).

A. E. Kibrik. Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology // *Linguistic Typology* 1 (1997) 279–346.

<sup>4</sup> Если бы русский был эргативным языком, мы бы использовали одну форму для подлежащего непереходного глагола и прямого дополнения переходного (так, на самом деле, и происходит в русском, но только с неодушевленными словами 2 и словами 3 склонения: *стол*∅ *стоит*/ *я вижу стол*∅), а для подлежащего переходного глагола мы бы использовали не именительный падеж, а особый – эргативный. Фраза *мальчик сломал стол* выглядела бы как \**мальчик*ОМ (эрг. п.) *сломал стол*.

<sup>5</sup> Другими словами, подлежащее переходных и активных непереходных глаголов выглядит как подлежащее в русском (*мальчик бежит*, *мальчик ломает стол*), а подлежащее стативных глаголов выглядит как прямое дополнение. Во фразах *мальчик спит* или *мальчик хороший* подлежащее выглядело бы как прямое дополнение во фразе *я вижу мальчик-а* – \**мальчик-а спит*, \**мальчик-а – хороший*.

<sup>6</sup> Кибрик 1992 (прим. 3).

<sup>7</sup> Кибрик 1992, Kibrik (прим. 3) 279–346.

В качестве формальных средств ролевого маркирования может использоваться как зависимое маркирование – роли выражаются маркировкой актантов (например, индоевропейские падежи), так и вершинное – роли выражаются глагольной индексацией. Третьим способом маркировки ролей является порядок слов. Хотя данный способ часто выводится из анализа ролевого маркирования на основании крайней сложности разграничения его ролевых функций от прагматических или эмфатических, его игнорирование может исказить реальную картину, тем более что различные способы маркировки могут сочетаться в одном языке.

Упомянутые выше стратегии маркировки ролей могут проявляться и в различных синтаксических процессах, таких как контроль кореференции, релятивизации, пассивизации / антипассивизации и т. д.

В первом разделе статьи рассматриваются различные языковые параметры, оказывающие влияние на маркировку ролей, и возможные варианты взаимодействия данных параметров. Во втором разделе анализируется влияние дейктического (или дейктико-денотативного) измерения на падежное маркирование в латыни. В третьей главе на примере сложных случаев объяснения падежа предикатива в латыни и древнегреческом рассматривается взаимодействие ролевого и прагматического (или коммуникативного) измерений в этих языках.

#### 1. ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ МАРКИРОВКА РОЛЕЙ И КАКИЕ ПАРАМЕТРЫ НА НЕЕ ВЛИЯЮТ

Следует отметить, что в рамках различных типологических классификаций наличие “чистых” типов представляется проблематичным. Так, например, в рамках самой распространенной морфологической типологии чаще можно говорить о доминирующем типе при наличии в конкретном языке элементов других типов: во флективном русском можно заметить как элементы агглютинации, так и аналитизма; известно, что в рамках ролевой типологии эргативная и активная стратегии обычно не являются единственно возможными в том или ином конкретном языке. Обычно распространены так называемые *расщепленные* (split) системы. Возможны два варианта отклонения от базового типа маркировки ролей: 1) в определенных контекстах демонстрируется одна из перечисленных базовых стратегий, отличная от основной для этого языка; 2) демонстрируется вариант маркировки, не соответствующий ни одной из базовых стратегий. Последний вариант получил определение *неканоническое мар-*

кирование<sup>8</sup> (например, датив или генетив используется для выражения базовых ролей субъекта или объекта). При этом для обоих вариантов такая “расщепленность” или место локализации “расщепления” может определяться различными факторами: характером именной группы, типом предиката и его видовременными формами и т. д.<sup>9</sup> Таким образом, на характер ролевой маркировки оказывают влияние две группы факторов: характеристики актантов – именных групп, представляющих субъект и объект, и характеристики предиката. Рассмотрим эти группы факторов по отдельности.

### 1. 1. Характеристики актантов, влияющие на маркировку ролей

Как показал А. Е. Кибрик,<sup>10</sup> поверхностные синтаксические структуры зависят не только от одного измерения (семантические роли), но и от двух других: прагматические характеристики (топик, фокус, референциальность)<sup>11</sup> и дейктические характеристики (локутор / нелокутор, или участник речевого акта / неучастник речевого акта). Таким образом, в синтаксисе языка могут проявляться не только характеристики различного типа выражения ролей, но и характеристики двух других измерений – прагматического и дейктического. Для языка может быть значимо только одно измерение, которое окажется наиболее важным ролевым измерением,<sup>12</sup> и тогда мы имеем дело с семантически аккумулятивным, эргативным или активным языком. Если в языке “работают” два или три измерения, но способы их маркировки независимы друг от друга, то мы имеем дело с *сепаратистскими* (*separatist*), или *агглютинативно-смешанными* языками, где независимо существуют семантические аккумулятивность / эргативность / активность и формальные средства выражения прагматического и / или дейктического измерения. Таким образом, представляется, что наличие во всех языках место-

<sup>8</sup> А. Yu. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, Onishi Masayuki (edd.). *Non-Canonical Marking of Subject and Objects // Typological Studies in Language 46* (Amsterdam – Philadelphia 2001).

<sup>9</sup> См. подробнее Dixon (прим. 3).

<sup>10</sup> Кибрик 1997, Kibrik (прим. 3).

<sup>11</sup> В работе Kibrik (прим. 3) для данного измерения используется термин *information flow*.

<sup>12</sup> Возможность существования языков без ролевого измерения требует дополнительного изучения и представляется маловероятной. По Кибрику (Кибрик 1992; Kibrik [прим. 3]), кандидатами на подобный статус являются уже упомянутые языки лису и риау.

имений 1 и 2 лица (морфологический способ маркировки участников речевого акта) и проблематичность безролевых языков делают независимый способ маркировки ролей и участников речевого акта минимально необходимым для функционирования языковой системы. Другим и, по-видимому, более распространенным способом взаимодействия этих трех измерений является их кумулятивное выражение, характерное для *флексивно-смешанных* языков, где маркировка ролей кумулятивно связана с маркировкой прагматических и / или дейктических характеристик. Собственно, подобная кумулятивность и переводит семантические отношения в синтаксические, а синтаксические маркировки перестают быть чисто семантическими. Так, например, русский и английский языки характеризуются А. Е. Кибриком как синтаксически аккузативные, при том что степень влияния семантического фактора в русском более значима, чем в английском.

Влиянию на тип маркировки семантических ролей различных факторов посвящена и известная работа М. Сильверстейна.<sup>13</sup> В самом общем виде его идеи состоят в том, что актанты того или иного предложения (имена и личные местоимения) могут быть представлены в виде иерархии, часто называемой иерархией одушевленности (*animacy hierarchy*):

Местоимения 1/2 лица – локуторы, участники речевого акта

Местоимения 3 лица

Термины родства, имена собственные

Люди (категория “личность”)

Животные

Предметы

Очевидно, что критерии распределения элементов в этой иерархии различны. Локуторы выделяются как дейктические местоимения, называющие участников речевого акта. Местоимения 3 лица, родственники и имена собственные определяются более высокой степенью ингерентной референциальности (т. е. отнесенности к определенному, известному объекту), чем обозначения людей. Продолжение иерархии относится к области классификации денотатов имен с точки зрения их способности к сочетанию с различными предикатами: все денотаты могут находиться в каком-то состоянии, животные способны к самостоятельному передвижению, а люди еще и к выражению эмоций, мыслительным и речевым актам.

<sup>13</sup> M. Silverstein. *Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages* (Canberra 1976) 112–171.

Могут влиять на место в иерархии и такие категории, как число и 'почетность, высокий статус'. Таким образом, данная иерархия может быть представлена в виде нескольких отдельных подсистем, как, например, в работе Мицуми Ямамото:<sup>14</sup> общая иерархия одушевленности (люди – одушевленные – неодушевленные), иерархия лиц (говорящий – слушающий – 3 лицо), шкала индивидуализации (к ней относятся такие характеристики, как число и 'ограниченность' [restrictedness]), иерархия вежливости (Сильверстейн также отмечает, что вежливая форма 2 лица ед. числа может стоять в иерархии выше, чем формы 1 лица). В принципе, гетерогенность иерархии одушевленности может создавать конфликтные точки: например, что выше – более референциальное, чем имена, местоимение третьего лица (даже в случае неодушевленности), или более одушевленные имена для обозначения людей и т. д.? Форма 2 sg. по иерархии Сильверстейна стоит ниже формы 1 pl., так как слушающий располагается на данной шкале ниже говорящего, но при этом 2 sg. обозначает только локутора, а форма 1 pl. может относиться и к нелокуторам. Возможно, именно данный "иерархический конфликт" вызывает интересный феномен, отмеченный для ряда языков Новой Гвинеи, где формы для 1 pl. и 2 sg. совпадают.<sup>15</sup>

Как показал М. Сильверстейн на примере ряда австралийских языков, место в данной иерархии может активно взаимодействовать с различиями в маркировке ролей: чем выше элемент в иерархии, тем он более прототипически агентивен и, следовательно, не нуждается в дополнительной маркировке агенса и не требует специального эргативного падежа. Роль же пациенса для таких именных групп нетипична, и, следовательно, она требует маркировки – аккумулятива. Для нижних этажей иерархии, наоборот, роль пациенса является прототипической и не требует дополнительной маркировки – аккумулятива, а роль агенса нетипична и требует появления специальной – эргативной – маркировки. Подобная ситуация приводит к одному из вариантов так называемой *расщепленной эргативности*. Одни и те же семантические роли могут выражаться разными падежами для разных элементов иерархии. Ролевое измерение языка взаимодействует с дейктическим и создает расщепленную, с точки зрения обычных "ролевых" типов, поверхностную синтаксическую структуру. В каждом конкретном языке обычно наблюдается бинарное противопоставление более высоких уровней иерархии менее высоким. При этом граница может проходить на разных

<sup>14</sup> M. Yamamoto. *Animacy and Reference* (Amsterdam – Philadelphia 1999).

<sup>15</sup> W. A. Foley. *The Papuan Languages of New Guinea* (Cambridge 1986) 72.

уровнях: локуторы могут противопоставляться всем остальным, одушевленные – всем остальным и т. д. Универсальность данной иерархии проявляется в том, что направление от предметов к локуторам выдерживается, а значимая граница и способы разрешения конфликтных ситуаций индивидуальны для каждого языка.

Можно констатировать, что попытки системно рассмотреть проявления неноминативности без привлечения всех трех предлагаемых А. Е. Кибриком измерений обречены на неудачу. При этом представляется целесообразным расширить дейктическое (по Кибрику) измерение с помощью продолжения противопоставления участников речевого акта всем остальным именным группам за счет их более дробного деления в соответствии с иерархией одушевленности. Поскольку, таким образом, используются не только дейктические характеристики, но и статус агентивности денотатов имен, можно назвать данное измерение дейктико-денотативным.

Подобное взаимодействие ролевого и дейктического измерений встречается и в менее “экзотических” языках, например в латыни.<sup>16</sup>

Оказывает влияние на ролевое маркирование и еще одно измерение, называемое А. Е. Кибриком *информационным потоком* (information flow) и включающее такие характеристики, как тема / рема, топик, фокус, фокус эмпатии и т. д.<sup>17</sup> В работе Ч. Ли и С. Томпсон<sup>18</sup> все языки делятся на языки с выдвиганием субъекта, языки с выдвиганием топика и языки с выдвиганием как топика, так и субъекта. Языком с выдвиганием топика без дифференциации ролевых отличий предположительно является лису (тибето-бирманские).<sup>19</sup> К языкам с выдвиганием как субъекта, так и топика относятся японский и корейский языки.<sup>20</sup>

Представляется, что влияние прагматических характеристик на ролевое маркирование является достаточно распространенным явлением. Так, например, в английском языке одушевленный субъект замещается на формальный локативный в начале повествования, когда субъект по определению нетопикализован: *Once upon a time there lived a king*, вместо гипотетически возможного *\*A king lived ...*

Интересны также английские примеры с использованием аккумулятива личных местоимений в функции скорее показателя фокуса,

<sup>16</sup> Подробнее см. об этом в разделе II данной статьи.

<sup>17</sup> Kibrik (прим. 3).

<sup>18</sup> Ch. N. Li., S. A. Thompson. Subject and Topic: a New Typology of Language // Ch. N. Li (Ed.), *Subject and Topic* (New York 1975) 457–489.

<sup>19</sup> Kibrik (прим. 3) 301.

<sup>20</sup> Li, Thompson (прим. 18).

или ремы, а не прямого дополнения: *It's me* “Это – я” или *Us, the Browns, never do such things* “Мы, Брауны, никогда не делаем подобных вещей”. Похожие примеры встречаются в латыни и древнегреческом.<sup>21</sup>

## 1. 2. Характеристики предиката, влияющие на маркировку ролей

Характеристики предиката также могут оказывать влияние на ролевою маркировку. Так, например, при активно-стативной стратегии маркировки ролей субъект активных непереходных глаголов маркируется так же, как субъект переходных глаголов (таким образом демонстрируется аккузативная стратегия маркировки ролей), а субъект стативных непереходных глаголов – как объект переходных глаголов (эргативная стратегия маркировки ролей). При этом в монографии Р. Диксона<sup>22</sup> отдельный активно-стативный тип не выделяется, а данное явление трактуется как разновидность расщепленной эргативности, при которой “расщепление” связано с качественными характеристиками предиката. Однако, с тем же правом, данное явление может быть названо и *расщепленной аккузативностью*, поэтому нам представляется более логичным вслед за Г. А. Климовым и А. Е. Кибриком выделять особый активно-стативный (или просто активный) тип маркировки ролей. Тем более что данный тип характеризуется принципиально отличной от аккузативного и эргативного типа мотивировкой – он базируется на семантических, а не синтаксических ролях (агенса и пациенса) и, с этой точки зрения, является семантически наиболее последовательной стратегией маркировки ролей. Следует заметить, что распределение глаголов на активные, динамические и стативные в разных языках происходит по-разному. В одних языках к стативным относятся только квалификативные глаголы, в других к стативным могут относиться и глаголы типа ‘падать’. Интересным представляется вопрос о возможности подключения к анализу в контексте типологии ролевого маркирования не только глагольной, но и именной предикации, включая квалификативные и локативные конструкции, конструкции идентификации и т. д., которые являются, по сути, наиболее стативными предикатами (ограниченная видо-временная парадигма и т. д.). При этом могут оказаться задействованы и прагматические характеристики, как в уже упоминавшейся выше английской конструкции

<sup>21</sup> Подробнее об этом см. раздел III данной статьи.

<sup>22</sup> Dixon (прим. 3).

*It's me.* Кроме того, особенности ролевого маркирования могут проявляться в конструкциях, передающих физическое или эмоциональное состояние и погодные явления (вроде русских *Мне нравится*, *Мне холодно* или английских *It is raining*). Необходимо учитывать и различия между переходными глаголами. Субъект при глаголе 'бить' будет выступать в семантической роли агенса, а при глаголе 'видеть' — в роли экспириенцера. Эти отличия могут влиять на ролевою маркировку. Например, в языке гбан (манде, нигер-конго) глагол 'видеть' является непереходным и не допускает прямого объекта.

Свою специфику могут иметь и отдельные видовременные формы. Так, в индоиранских языках эргативность проявляется только в системе прошедших времен, что, возможно, связано с происхождением данных форм из причастных конструкций. В грузинском языке в аористе наблюдается активно-стативная стратегия маркировки ролей (при аккузативной и дативной конструкции в других видовременных формах). Интересно, что обычно неаккузативный тип маркировки оказывается связан именно с прошедшими временами.

## II. НЕНОМИНАТИВНОСТЬ И ИЕРАРХИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О КУМУЛЯТИВНОСТИ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Поиск свидетельств о неноминативном праиндоевропейском прошлом в языках-потомках является одной из фундаментальных проблем индоевропейского языкознания. Данная традиция восходит к замечанию Х. К. Уленбека об эргативном характере падежа на *-es* в праиндоевропейском.<sup>23</sup> Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов,<sup>24</sup> развивая идеи Г. А. Климова<sup>25</sup> о предшествовании активно-стативной стратегии маркировки ролей эргативной и номинативной, выдвинули гипотезу об активном характере праиндоевропейского языка на ранних стадиях его развития. Именно эта идея авторов фундаментальной двухтомной монографии была признана наиболее принципиальной известным индоевропеистом В. Леманом.<sup>26</sup> Еще ранее И. М. Тронский приводил некоторые факты из латыни и греческого, которые свидетельствуют о наличии в данных языках

<sup>23</sup> Uhlenbeck (прим. 2) 170–171.

<sup>24</sup> Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. *Индоевропейский язык и индоевропейцы* (Тбилиси 1984) 267–319.

<sup>25</sup> Климов 1977 (прим. 3) 9; Климов 1983 (прим. 1).

<sup>26</sup> W. P. Lehmann. *Impersonal Verbs as Relics of a Subclass in Pre-Indo-European* // *Историческая лингвистика и типология*. Под ред. Г. А. Климова (М. 1991) 33–38.

элементов неноминативности.<sup>27</sup> Б. Бауэр посвятила поиску элементов неноминативности в индоевропейских языках отдельную монографию.<sup>28</sup> В значительной степени данные идеи опираются на предложенную еще А. Мейе<sup>29</sup> реконструкцию бинарной системы именной классификации в праязыке: так называемый *общий*, или *одушевленный*, род (или класс) и *средний*, или *неодушевленный*, род при более позднем разделении первого на *мужской* и *женский*. Подобное противопоставление *одушевленного* (активного) и *неодушевленного* (пассивного) классов действительно коррелирует с предлагаемым Г. А. Климовым делением имен на два подобных класса как одной из главных импликаций активного (или активно-стагивного) типа языков. Таким образом, проблема ролевого маркирования оказывается тесно связанной с проблемой именной классификации.

Тем не менее, несмотря на достаточную разработанность данной проблематики и внимание к ней многих ведущих специалистов в области индоевропеистики, можно заметить, что следы неноминативности (или активности) в индоевропейских языках носят характер набора некоторых импликаций, косвенно свидетельствующих об элементах неноминативности, но не складывающихся в более или менее стройную систему, что, в принципе, отмечается и в упомянутых работах И. М. Тронского и Б. Бауэр. Если попытаться суммировать свидетельства отклонения от номинативной стратегии маркировки ролей, то можно отметить следующие моменты: общеиндоевропейское отсутствие различия номинатива и аккумулятива у имен неактивного (среднего) рода при различении данных падежных флексий у имен активного рода,<sup>30</sup> употребление аккумулятива в роли субъекта состояния в латинских и греческих формах восклицания и конструкция *accusativus cum infinitivo*,<sup>31</sup> употребление аккумулятива у имен среднего рода в функциях, для которых у имен мужского и женского рода требуются другие падежи,<sup>32</sup>

<sup>27</sup> И. М. Тронский. О дономинативном прошлом индоевропейских языков // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов* (Л. 1967) 91–94.

<sup>28</sup> В. Bauer. *Archaic Syntax in Indo-European* (Berlin – New York 2000). В данном исследовании представлена также развернутая библиография работ по следам неноминативности в индоевропейских языках.

<sup>29</sup> А. Мейе. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков* (М. 2002).

<sup>30</sup> Тронский (прим. 27); Гамкрелидзе, Иванов (прим. 24).

<sup>31</sup> Тронский (прим. 27) 93–94.

<sup>32</sup> Тронский (прим. 27) 92: автор статьи приводит пример с латинским глаголом *gaudeo* 'радоваться чему-либо', который управляет аблативом имен

наличие безличных и абсолютных конструкций, а также конструкций с *dativus auctoris* и *dativus possessivus*.<sup>33</sup>

Однако данные факты, хотя и показывают наличие несомненных осложнений по сравнению с классической номинативной стратегией, не укладываются и в другие известные типы: эргативный и активный. Ни один из упомянутых фактов не является прямым выражением ни одной из выделяемых в типологии стратегий: в *аккузативных* (номинативных) языках субъект любого глагола выражается одинаково, а объект – отличным способом; в *эргативных* языках субъект непереходного глагола выражается так же, как объект переходного, а субъект переходного глагола – другим способом; в языках *активно-стативного* строя субъект активного непереходного глагола выражается так же, как субъект переходного глагола, а субъект стативного непереходного глагола – так же, как объект переходного глагола. Очевидно, что к подобным стратегиям не могут быть напрямую сведены ни упомянутые выше явления, ни какие-либо другие синтаксические структуры известных индоевропейских языков (за исключением так называемой *расщепленной эргативности* (*split ergativity*) в системе прошедших времен индоиранских языков, для которых данный феномен признан инновационным).

Кроме того, попытка связать с активным строем факты индоевропейских языков сталкивается с типологической проблемой. Для существующих языков с маркировкой ролей активно-стативного типа абсолютно не характерно использование зависимостного маркирования – падежей. Ни в одном из языков активного типа, упомянутых в самой развернутой типологической базе данных,<sup>34</sup> не зафиксирована падежная маркировка ролей – данная стратегия предпочитает их выражение с помощью глагольной индексации.

Далее мы попытаемся рассмотреть упомянутые выше явления, а также некоторые другие в контексте взаимодействия трех выделяемых А. Е. Кибриком измерений<sup>35</sup> на материале латинского языка. Речь пойдет о случаях, когда одни и те же семантические роли выражаются различными формальными средствами, что означает взаимодействие семантического измерения с дейктическим и, следовательно, кумулятивный (дейктическо-ролевой) тип маркировки.

---

несреднего рода (*gaudeo aliqua re*), но требует аккузатива имен среднего рода (*id gaudeo* – ‘я радуюсь этому’).

<sup>33</sup> Bauer (прим. 28).

<sup>34</sup> World Atlas of Language Structures (WALS).

<sup>35</sup> См. раздел I данной статьи.

1) Распределение функций аблатива в зависимости от иерархии одушевленности.

а) Ablativus auctoris / instrumenti для одушевленных и неодушевленных имен в функции агенса в пассивных конструкциях.

Если в русском языке для фраз типа *Поле обрабатывается крестьянином* и *Поле обрабатывается плугом* маркировка одушевленного и неодушевленного агенса осуществляется при помощи творительного падежа, то в латыни для данных конструкций используются различные падежи. В первом случае используется ablativus auctoris с предлогом *a / ab* (*Ager a b a g r i c o l a colitur*), а во втором – ablativus instrumenti без предлога (*Ager a r a t r o colitur*). Очевидно, что в маркировке ролей учитывается иерархия одушевленности, причем граница проходит скорее не по признаку люди / не люди, а по признаку активные / неактивные имена. При этом в категорию активных имен попадают люди, животные<sup>36</sup> и даже некоторые стихии и свойства (*natura, sol, luna, virtus* и подобные):<sup>37</sup>

*Non semper viator a l a t r o n e, nonnumquam etiam latro a v i a t o r e occiditur* (Cic. *Mil.* 21, 55) “Не всегда путник убивается разбойником, иногда и разбойник путником”; *Superamur a b e s t i i s* (Cic. *Fin.* 2, 111) “Мы побеждаемы животными”; *A b h i s v i r t u t i b u s t o t v i t i a s u p e r a r i . . .* (Cic. *Cat.* 2, 25) “Такими добродетелями столько пороков преодолевается”.

Похожая ситуация наблюдается в английском языке: имена с активной семантикой (не только люди и животные, но и активные части тела типа ‘рука’, природные явления типа ‘море’) требуют в роли агенса пассивных конструкций предлога *by*, в то время как названия орудий труда или названия веществ или масс (типа ‘снег’) требуют предлога *with*. Ср. *It was made b y h a n d*; *The island is washed b y t h e s e a*, но *The bread was cut w i t h a k n i f e*; *The ground is covered w i t h s n o w*.

б) Нечто подобное происходит с использованием ablativus separationis. Для имен, обозначающих людей, используется форма с предлогом *a / ab* (*Hunc ego a C a e s a r e liberavi* [Cic. *Fam.* 13, 52] “Его я освободил от Цезаря”; *Homo sum; humani nil a m e a l i e n u m p u t o* [Ter. *Heaut.* 77] “Я человек; ничто человеческое, думаю, мне не чуждо”), а для вещей употребление этого предлога факультативно, а также возможно употребление других предлогов – *de* и *e / ex*:

<sup>36</sup> Кроме случаев использования их в качестве транспортного средства, то есть в инструментальной или даже локативной функции. Так, ‘ехать верхом (буквально ‘везтись’) на лошади’ – *vehi equo*.

<sup>37</sup> A. Ernout, F. Thomas. *Syntax Latine* (Paris 21953) 207–208.

Vacare culpa magnum est solacium (Cic. *Fam.* 7, 3, 4) “Быть свободным от вины – великое утешение”; Atticus biduum cibo se abstinisset (Nep. 25, 22) “Аттик два дня воздерживался от пищи”.

с) Противопоставляются личные и неличные формы инструменталиса и в активных конструкциях: для обозначения людей требуется употребление предлога *per* с аккузативом, а для других имен используется та же форма *ablativus instrumenti*, что и при пассиве.<sup>38</sup> Ср.: *Per exploratores Caesar certior factus est* (Caes. *B.G.* 1, 12, 2) “Цезарь получил известие через разведчиков” и *Cornibus tauri, arri dentibus, morsu leones se tutantur* (Cic. *N.D.* 2, 127) “Быки защищаются рогами, кабаны – зубами, львы – кусанием”.

Интересно, что формы для обозначения людей в данных конструкциях всегда более сложные формально, чем противопоставленные им. Это согласуется с идеями М. Сильверстейна. Вынесение имен, обозначающих людей, в роль косвенного дополнения, т. е. выведение их из топикиализованной позиции, не свойственно для данных именных групп и поэтому требует дополнительной формальной маркировки данных нетипичных ролей. Для имен с другой семантикой такое нетопикализованное употребление является нормальным, поэтому их формальная маркировка не требует дополнительных средств.

2) Распределение функций датива и иерархия одушевленности.

Значимость иерархии одушевленности проявляется и в распределении функций датива. Причем в этом случае выделяется три уровня: участники речевого акта (локуторы), люди и все остальные имена. В функции *dativus auctoris* употребляются только имена и местоимения с референтами, маркированными признаком “личность”: *Mihi captum consilium iam diu est* (Cic. *Fam.* 5, 19, 2) “Мною решение уже давно принято”; *Nox una Hannibali sine equitibus atque impedimentis acta est* (Liv. 21, 34, 9) “Одна ночь была проведена Ганнибалом без всадников и обоза”. Для функции *dativus ethicus* ограничения еще более жесткие: только местоимения – локуторы: *Quid mihi Celsus agit?* (Hor. *Epist.* 1, 3, 15) “Что подельвает у меня Цельс?”; *Quid agis, Micio? Cur perdis adulescentem nobis?* (Ter. *Ad.* 60) “Что ты делаешь, Микион? Зачем ты нам губишь юношу?”

3) Одушевленность и маркировка номинатива / аккузатива.

Достаточно прозрачная зависимость маркировки ролей от иерархии одушевленности проявляется в отсутствии специализи-

<sup>38</sup> С. И. Соболевский. *Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и Синтаксис* (СПб. 1998) 147.

рованной маркировки для аккузатива у имен среднего рода в латыни (как и в других индоевропейских языках с падежной системой). Слова среднего рода (по определению неодушевленные) не требуют специализированного маркера аккузатива (т. е. форма аккузатива совпадает с формой номинатива), так как функция пациенса является для них типичной. Для одушевленных имен функция пациенса нетипична, следовательно, для их употребления в данной роли требуется специализированная, отличная от номинатива, падежная маркировка.

Менее очевидна, но не менее интересна корреляция между распределением имен мужского и женского рода по склонениям и выбором из двух форм номинатива:  $\emptyset$ /-s. В 4 и 5 склонения не попадают одушевленные имена мужского и женского рода (за редким исключением типа *socrus, us f* 'свекровь'), и для всех имен мужского и женского рода этих склонений требуется "маркированная" форма сигматического номинатива. 2 и 3 склонения включают в себя как одушевленные, так и неодушевленные имена мужского и женского рода (2 склонение – преимущественного мужского). При этом в данных склонениях возможны обе формы номинатива (сигматический и нулевой). В 1 склонение попадают и одушевленные, и неодушевленные имена женского рода, но только одушевленные имена мужского рода.<sup>39</sup> При этом для номинатива используется исключительно немаркированный нулевой вариант. Таким образом "наиболее одушевленное" 1 склонение имеет тенденцию не маркировать именительный падеж, так как для одушевленных имен данная функция является прототипической, нейтральные к одушевленности 2 и 3 склонения демонстрируют свободное варьирование двух форм номинатива, а "неодушевленные" 4 и 5 склонения всегда имеют маркированный (сигматический) номинатив, так как для неодушевленных имен данная функция является нестандартной. Интересно, что у "менее одушевленных" 3, 4 и 5 склонений проявляется и другая особенность неодушевленных имен: во множественном числе у существительных данных склонений отсутствует специализированная форма аккузатива,<sup>40</sup> так как для неодушевленных имен именно функции пациенса являются типичными. Тем самым

<sup>39</sup> Названия рек (*Sequana* и др.) представляют единственное исключение и не влияют на общую картину.

<sup>40</sup> Наличие окончания асс. pl. 3 скл -is у слов, имеющих историческую основу на -i (не совпадающего с окончанием пот. pl -es) можно считать свидетельством того, что 3 склонение занимает промежуточное положение между наиболее и наименее "одушевленными" склонениями.

подтверждается идея Сильверстейна: более одушевленные имена стремятся к более маркированной форме аккузатива, а менее одушевленные – к более маркированной форме номинатива. Кроме того, возможно, эти отличия в какой-то степени позволяют выявить некоторую семантическую нагруженность склонений, традиционно воспринимающихся как исключительно формальные классы имен.

4) Иерархия одушевленности и контроль согласования при ассоциативной конструкции в роли субъекта.

Помимо особенностей в маркировке падежей иерархия одушевленности влияет и на синтаксические процессы. Например, от места элемента на данной шкале зависит контроль согласования при ассоциативной конструкции в роли субъекта. В случае ассоциативного субъекта (типа “я и ты”, “брат и сестра” и т. д.) выбор согласования осуществляется по элементу конструкции, находящемуся на более высоких уровнях иерархии одушевленности:<sup>41</sup> 1 лицо имеет преференцию при контроле согласования над 2 лицом (говорящий над адресатом), 1 и 2 лицо над 3 (локутор над нелокутором), а мужской род над женским (при одушевленных именах). Примеры хорошо известны:<sup>42</sup>

*Si tu et Tullia v a l e t i s , ego et Cicero v a l e m u s* (Cic. *Fam.* 14, 5) “Если ты и Туллия здравствуете, то я и Цицерон здравствуем”.

*Na e s neque ego, neque tu f e c i m u s* (Ter. *Ad.* 103) “Этого ни я, ни ты не делали” (1 л и ц о множ. числа)

*E r r a s t i s et tu, et nonnulli collegae tui* (Cic. *Rull.* 1, 7) “Ошиблись (2 л и ц о множ. числа) и ты, и некоторые твои товарищи”.

*Pater et mater p r o f e c t i sunt* “Отец и мать уехали” (причастие в форме им. пад. множ. числа м у ж . рода).

*M e r u i m u s et ego et pater de vobis et republica* (Plaut. *Amph.* 39). “И я, и отец имеем заслуги перед вами и государством” (1 л и ц о множ. числа). Пример интересен тем, что оба субъекта занимают высокое положение в иерархии одушевленности, но локутор (я) все же превалирует над термином родства (отец).

*Experti in vicem s u m u s ego et fortuna* (Tac. *Hist.* 2, 47, 4) “Мы с судьбой испытывали (1 л и ц о множ. числа) друг друга”.

Если преференция локуторов над нелокуторами достаточно широко распространена, то преференция 1 лица над 2 проявляется значительно

<sup>41</sup> Следует уточнить, что возможен вариант согласования и по ближайшему к глаголу элементу, т. е. формально, а не семантически, мотивированный.

<sup>42</sup> См. Соболевский (прим. 38) 126–127; В. С. Дуров. *Основы стилистики латинского языка* (М. – СПб. 2004) 70.

реже. Особый интерес вызывает преференция имен мужского пола над женским, поскольку нам неизвестны упоминания об иерархичности противопоставления мужской / женский и более высоком положении имен мужского пола в иерархии одушевленности. Нейтральность мужского рода в словах типа 'врач' не создает иерархичности.

### III. ПРОБЛЕМА ПАДЕЖА ПРЕДИКАТИВА В ЛАТЫНИ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ В КОНТЕКСТЕ РОЛЕВОЙ ТИПОЛОГИИ

Предикатив может по-разному выражаться в языках. Так, в славянских языках он выражается номинативом или инструменталисом, в классических индоевропейских – обычно номинативом, как и подлежащее, что является общеизвестным фактом.<sup>43</sup>

В самом деле, достаточно посмотреть на хрестоматийные фразы, чтобы в этом убедиться.

1) *Historia est magistra vitae* "История – учительница жизни".

2) *Octavianus consul templa refecit* "Октавиан, будучи консулом, восстановил храмы".

3) *Cicero consul creatus est* "Цицерон был избран консулом".

Стоит отметить, что предикатив употребляется в номинативе не только в классических конструкциях с составным именным сказуемым (1), но и в конструкциях с эллипсисом копулятивной связки (2) и в *nominativus duplex* (3). То же самое наблюдается и в древнегреческом языке.

Однако в латыни и древнегреческом есть случаи, когда предикатив выражается не номинативом. На них мы и хотим остановиться.

Рассмотрим конструкцию *accusativus duplex*, т. е. аккумулятив дополнения с аккумулятивом имени сказуемого, которая получается, если заменить пассив на актив в конструкции *nominativus duplex*. Прделаем эту процедуру с примером 3:

4) *Romani Ciceronem consulem creaverunt* "Римляне избрали Цицерона консулом".

Попытаемся рассмотреть интересное нас синтаксическое явление в трех рассматриваемых выше измерениях: собственно синтаксическом, семантико-ролевом и прагматическом. Итак, мы полагаем, что в предложениях с *accusativus duplex* имеет место каузативная трансформация, представляющая собой частный случай повышающей актантажной деривации.<sup>44</sup> В самом деле, глаголы,

<sup>43</sup> В. А. Плунгян. *Общая морфология* (М. 2000) 170.

<sup>44</sup> Плунгян (прим. 43) 209 сл.; Я. Г. Тестелец. *Введение в общий синтаксис* (М. 2001) 432.

управляющие этой конструкцией, по своей семантике оказываются либо выразителями физической каузации (это фактитивы ‘делать, выбирать кого кем, что чем’), либо выразителями опосредованной, или вербальной, каузации (это декларативы ‘называть, считать кого кем, что чем’). Преобразуя двойной номинатив в двойной аккумулятив, мы меняем не только залог глагола, но и саму языковую ситуацию: в ней появляется новый участник (*Romani*) с ролью агенса-каузатора, который, как и полагается наиболее активному участнику ситуации, вытесняет *Cicero* с позиции выражаемого номинативом грамматического подлежащего, но не меняет при этом его семантической функции субъекта состояния, или логического субъекта. При такой интерпретации *consulem* оказывается предикативом логического субъекта и принимает его падеж, т. е. аккумулятив.

Правило падежа предикатива можно сформулировать так: *падежом предикатива является не номинатив, т. е. падеж грамматического подлежащего, а падеж субъекта того состояния, которое выражается предикативом*. Кроме того, можно заметить, что и номинатив при активном залоге является не падежом субъекта, а падежом наиболее высоко стоящего в иерархии агентивности участника ситуации, который и занимает позицию грамматического подлежащего.

Подобная переформулировка позволяет непротиворечиво объяснять не только *accusativus duplex* и вышеприведенные “классические” примеры, но и некоторые другие случаи падежного маркирования предикатива, например, следующий, который, на первый взгляд, кажется парадоксальным.

Речь идет об именной части при инфинитиве. Грамматики латинского языка утверждают, что, когда инфинитив употребляется в роли *дополнения* (т. е. является частью составного глагольного сказуемого), имя при нем ставится не в аккумулятиве (падеже дополнения), а в *номинативе*.<sup>45</sup> На самом деле, это вполне соответствует сформулированному выше правилу:

5) *Cato bonus esse malebat, quam bonus videri* “Катон предпочитал быть, а не казаться порядочным”. Катон является субъектом, следовательно, падеж предикатива ‘порядочным’ согласован с ним в номинативе.

Работает данное правило и для некоторых безличных глаголов, при которых субъект состояния ставится в дативе, а предикатив

<sup>45</sup> См., например: Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. *Учебник латинского языка* (М. 41975) 162.

также может выражаться дативом. Так, при глаголе *licet* имя инфинитива нередко ставится в дативе, подчиняясь *attractio casus*.<sup>46</sup>

6) *Quieto tibi licet esse* (Pl. *Epid.* 338) “Тебе позволено быть спокойным” (“спокойному”);

7) *Licuit esse otioso Themistocli* (Cic. *Tusc.* 1, 33) “Фемистоклу дозволялось быть праздным” (“праздному”).

Субъект обозначаемого предикативом состояния употреблен в дативе, следовательно, и предикатив ставится в дативе, т. е. в падеже логического субъекта, а не в падеже грамматического подлежащего, которое отсутствует, т. к. предложение безличное.

Похожую ситуацию мы видим в древнегреческом, с той лишь разницей, что в греческом чаще встречается аттракция, а управление глаголов еще разнообразнее, чем в латыни, и логический субъект может быть выражен также генетивом с соответствующим падежом предикатива.<sup>47</sup>

8) Δέομαι σοι πρόθυμον εἶναι “Прошу тебя быть благосклонным” (с генетивом имени сказуемого по аттракции с генетивом лица).

Данное правило актуально и для трактовки падежей в *accusativus cum infinitivo*, где логический субъект в аккумулятиве определяет падеж предикатива.

Однако есть случаи, для которых интерпретация падежа предикатива остается проблематичной.

Случай первый: если аттракция не действует, то падежом предикатива при логическом субъекте в дативе или генетиве будет аккумулятив. Например,

9) *Is erat annus, quo per leges ei consulem fieri liceret* (Caes. *B.G.* 3, 1, 1) “Год был такой, что ему по законам дозволялось стать консулом (*consulem* – асс.).<sup>48</sup>

10) Ἐρετρίεες Ἀθηναίων ἐδεήθησαν σφίσι βοηθοὺς γενέσθαι (Hdt. 6, 80) “Эретрийцы просили афинян стать для них заступниками” (с аккумулятивом имени сказуемого без аттракции с генетивом лица);

11) Συμβουλεύω σοι πρόθυμον εἶναι (πρόθυμον εἶναι) “Советую тебе быть благосклонным” (предикатив в дативе по аттракции либо в аккумулятиве без нее).

<sup>46</sup> R. Kühner, C. Stegmann. *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Zweiter Teil: Satzlehre I* (Darmstadt 1971) 679.

<sup>47</sup> R. Kühner, B. Gerth. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Satzlehre. Teil I–II* (Leverkusen 1955) 24–27.

<sup>48</sup> H. Menge. *Repertorium der lateinischen Syntax und Stylistik*. Bearb. von A. Thierfelder (Darmstadt 201993) 280.

Вторым проблемным случаем являются примеры с отсутствующим логическим субъектом.

12) *Bonum esse praestat, quam bonum videri.* “Порядочным лучше быть, чем казаться” (Предикатив ‘порядочным’ при инфинитиве стоит в аккумулятиве).

Таким образом, видно, что если при инфинитиве есть предикатив, то он стоит в том же падеже, что и логический субъект (по *attractio casus*), как и в других случаях, либо в аккумулятиве. Именно последний факт и нуждается в дополнительном объяснении.

Не в каждой грамматике можно найти хотя бы попытку объяснить это явление, однако если такие попытки делаются, они обычно сводятся к одному и тому же: если предикатив стоит в аккумулятиве, это значит, что он согласован с подразумеваемым субъектом в аккумулятиве, иными словами, перед нами “скрытый” *accusativus cum infinitivo*.

13) *Diligi et carum esse iucundum est* (Cic. *Fin.*, 1, 53) “Быть любимым и дорогим приятно” (Здесь *carum* поставлено в аккумулятиве ед. числа муж. рода, так как согласовано с подразумеваемым “человеком”).<sup>49</sup>

14) *Φιλάνθρωπον* (sc. *τινα*) *εἶναι δεῖ* “Должно быть человеколюбивым” (подразумевается “кому-либо” в аккумулятиве).<sup>50</sup>

15) *Δρῶντας γὰρ ἢ μὴ δρῶντας* (sc. *ἀνθρώπους*) *ἥδιον θανεῖν* “Приятнее умереть действуя, чем бездействуя” (подразумевается “людям”);

16) *Non facile est* (sc. *aliquem*) *esse temperantem* “Нелегко быть сдержанным” (кому-либо).<sup>51</sup>

Эрну и Тома подчеркивают, что в подобных конструкциях инфинитив всегда оказывается при безличном выражении, от которого, действительно, может зависеть *accusativus cum infinitivo*. Однако среди нескольких десятков примеров, которые нам встретились, все же нашелся один, с трудом поддающийся такой интерпретации:

17) *Non esse cupidum pecunia est* “Не быть жадным – это богатство”. (Едва ли можно представить себе скрытый инфинитивный оборот, зависящий от выражения *pecunia est*.)

Однако, даже если не принимать во внимание последний пример, а остальные объяснять эллипсисом логического субъекта, все

<sup>49</sup> Соболевский (прим. 38) 297.

<sup>50</sup> H. W. Smyth. *Greek Grammar* (Cambridge, Mass., 1968) 440.

<sup>51</sup> Ernout, Thomas (прим. 37) 259.

равно возникает вопрос: почему в случае опущения этот субъект все же мыслится в аккумулятиве, а не в дативе или генетиве, даже если конструкция зависит от глагола, допускающего двойное управление, как в примерах 7–12? Что есть в аккумулятиве такого, что при каждом удобном случае языки выбирают именно его там, где логический субъект не выражен и, следовательно, не может оказать влияние на выбор падежа предикатива, либо даже там, где он выражен, но не номинативом, а дативом или генетивом?

Здесь мы неминуемо должны отвлечься на разговор об аккумулятиве как о падеже, особый статус которого неоднократно подчеркивался лингвистами разных направлений. Мюллер еще в 1908 году выпустил монографию,<sup>52</sup> в которой посвятил 170 страниц аккумулятиву и чуть меньше одной – номинативу. Хирт<sup>53</sup> писал: “Аккумулятив исконно является *das Mädchen für alles* (служанкой на все случаи). Он стоит там, где другие падежи не употребляются”. О происхождении аккумулятива в индоевропейских языках и развитии грамматической категории винительного падежа много писала А. В. Десницкая. Она, в частности, настаивает на первичности обстоятельственно-определятельных функций аккумулятива перед объектными, а развитие функции прямого дополнения связывает с последовательной ликвидацией пережитков более древних значений.<sup>54</sup> Интересную статью посвятил аккумулятиву А. Мурхауз:<sup>55</sup> исследуя “странные”, периферийные употребления этого падежа, он пришел к выводам о “высокой степени его независимости от остального предложения” (с. 211) и о “выдающемся положении аккумулятива в лингвистическом сознании” (с. 218). Однако подобные выражения, какими бы экспрессивными и интуитивно убедительными они ни были, к сожалению, ничего не объясняют. А между тем собранные Мурхаузом примеры “неожиданного” употребления аккумулятива в периферийных значениях, выходящих за пределы стандартных синтаксических функций этого падежа, требуют объяснения. Рассмотрим некоторые из них:

---

<sup>52</sup> C. F. W. Müller. *Syntax des Nominativs und Accusativs im Lateinischen* (Leipzig 1908).

<sup>53</sup> H. Hirt. *Indogermanische Grammatik* 6. *Syntax* 1 (Heidelberg 1934) 87.

<sup>54</sup> А. В. Десницкая. *Сравнительное языкознание и история языков* (Л. 1984) 70–124.

<sup>55</sup> A. C. Moorhouse. The Role of the Accusative Case // *In the Footsteps of R. Kühner. Proceedings of the International Colloquium in Commemoration of the 150<sup>th</sup> Anniversary of the publication of R. Kühner's "Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. II Theil: Syntaxe"* (Amsterdam 1988) 209–218.

– употребление *аккузатива* в клятвах:

18) νῆ Δία, νῆ τοὺς θεοὺς “Клянусь Зевсом, клянусь богами” (зависимость от частиц νῆ и μά отрицается);

– в драме, когда в *аккузативе* ставится имя лица, к которому обращаются в резкой или грубой форме:

19) σὲ δῆ, σὲ τὴν νεύουσαν εἰς πέδον κάρα, φῆς ἢ καταρνῆ...; (S. Ant. 441 f.) “Ты, ты, поникшая головой, скажи или опровергни...” (Креонт допытывается, Антигона ли совершила ритуальное погребение Полиника): σὲ δῆ, σὲ τὴν νεύουσαν ни от чего не зависит);

– в функции *приложения*:

20) ... (σε) ἢ τις Ἀχαιῶν ῥίψει χεῖρὸς ἐλῶν ἀπὸ πύργου, λυγρὸν ὄλεθρον (Il. 24, 734 f.) “Или тебя кто-нибудь из данайцев сбросит, схватив за руку, с башни – ужасная гибель” (приложение – в *аккузативе*);

– в начале фразы, где слово в *аккузативе* обозначает лицо или вещь, о которых идет речь, но затем оно оказывается в условиях синтаксической неопределенности, “зависания”, и предложение как бы обрывается на этом слове:

21) μνηστῆρας μὲν ἐπὶ σφέτερα σκίδνασθαι ἄνωχθι / μητέρα δ', εἴ οἱ θυμὸς ἐφορμᾶται γαμέεσθαι, / ἄψ ἴτω (Od. 1, 274 ff.) – “Прикажи, чтоб женихи разошлись по своим домам, мать же (*аккузатив*), если к замужеству у нее лежит душа, пусть назад идет”;

– в предложениях с *анаколуфом*:

22) τὸν δὲ Μάνην, δανείσας ἀργύριον Ἀρχεπόλιδι... ἐπεὶ οὐχ οἴος τ' ἦν αὐτῷ ἀποδοῦναι ὁ Ἀρχέπολις οὔτε τὸν τόκον οὔτε τὸν ἀρχαῖον ἅπαν, ἐναπετίμησεν αὐτῷ (D. 53, 20) “Что же касается Мана, одолжившего денег Археполиду... (в тексте *анаколуф* “одолжив денег”) ... поскольку Археполид был не в состоянии уплатить ему ни проценты, ни основную сумму, то расплатился с ним другому...” (τὸν δὲ Μάνην – в синтаксическом “зависании”, дальше – *анаколуф*);

– в *проlepsе*:

23) ὅστις ποθ' ὑμῶν Λάιον τὸν Λαβδάκου / κάτοιδεν ἀνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο... (S. OT 224 f.) “Кто из вас знает, из-за какого мужа погиб Лай, сын Лабдака...” (букв. “Кто из вас знает Лайя, сына Лабдака, из-за какого мужа погиб”). Лай вынесен в главное предложение и стоит в *аккузативе*, хотя должен был бы быть подлежащим придаточного.

К этим примерам можно добавить и хорошо известный *accusativus exclamationis*.

Мы полагаем, что для объяснения всех этих “странностей” нам недостаточно представления только о синтаксических функциях

аккузатива, но потребуется привлечь и прагматические отношения: оказывается, что, с точки зрения прагматики, выделенные Мурхаузом слова в аккузативе представляют собой различные типы фокуса – либо фокуса, понимаемого как рема высказывания, либо фокуса контраста; то есть греческий язык пользуется аккузативом не только для выражения ролевых характеристик (например, пациенса), но и прагматических, где ролевая трактовка аккузатива не работает. Такая трактовка, как нам кажется, не противоречит идее А. В. Десницкой о том, что винительный падеж выражает “именное понятие, ближайшим, самым непосредственным образом затронутое глагольным понятием”,<sup>56</sup> т. е., по нашим представлениям, находится ближе всего к коммуникативному центру высказывания. Аналогичные примеры приводят Эрну и Тома для латинского языка.<sup>57</sup>

Интересно, что подобные функции аккузатива есть и в английском.<sup>58</sup> По-видимому, такую же прагматическую функцию выполняет ударная форма личного местоимения *toi* во французском языке.

Теперь вернемся к проблеме падежа предикатива. Если аккузатив маркирует члены предложения с прагматической функцией фокуса, может возникнуть встречный вопрос: почему он не всегда используется в предикативной функции и в стандартном предложении, где субъект выражен именительным падежом, уступает место номинативу? Дело в том, что разные языковые уровни (синтаксический, семантико-ролевой и прагматический) конкурируют друг с другом, и там, где есть субъект в номинативе и логический субъект совпадает с грамматическим, падеж предикатива определяется синтаксическим (и семантическим) согласованием с субъектом. Если же логический субъект не выражен (то есть предикативу не с чем согласовываться), на первый план выходят прагматические отношения, и в ход идет аккузатив как падеж фокуса. Случаи с логическим субъектом в дативе и генетиве представляются “промежуточными” или “конкурентными”: синтаксический субъект отсутствует, но логический (семантический) субъект имеет место. Логично, что в данной ситуации наблюдается нестабильность в падежном маркировании предикатива: доминирует либо прагматика (аккузатив), либо семантика (падеж логического субъекта состояния).

<sup>56</sup> Десницкая (прим. 54) 111.

<sup>57</sup> Egnout, Thomas (прим. 37) 23–24.

<sup>58</sup> Примеры см. выше прим. 7.

Таким образом, видно, что в классических языках падежное маркирование представляет собой не чисто ролевое явление, а кумулятивно выражает ролевые и прагматические (или ролевые и дейктико-денотативные) функции, хотя и с доминированием первых. Применяемый нами многомерный типологический подход, как кажется, позволяет по-новому интерпретировать известные грамматические явления и объяснить некоторые трудности грамматики латыни и древнегреческого, которые до сих пор не имели удовлетворительного объяснения.

А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова  
*Санкт-Петербургский Университет*

The article analyzes the role-marking typology in Latin and Greek. It offers an original interpretation of the phenomena which are regarded as the elements of non-accusativity in Latin. The first part of the article discusses the theoretical background of the problem. The second part argues that case marking can be influenced not only by the semantic role, but also by the so called *animacy hierarchy* or deictic dimension. Some non-standard case markings in Latin can be explained by the cumulative character of interrelations between the role and deictic dimensions. The influence of *animacy hierarchy* in Latin is demonstrated by the analysis of *ablativus auctoris / instrumenti* and *ablativus separationis* constructions, the distribution of dative case functions, interrelations between declension, gender and animacy and control of agreement in associative constructions. The third part of the article is concerned with the interpretations of complicated cases of role marking in constructions with the nominal predicate. These cases are treated as an interrelation of the role and communicative dimensions. The authors suggest that the role marking in Latin and Greek can be better interpreted by taking into account the three language dimensions: role, deictic-denotative and communicative.

*Corrigenda ad vol. 14, fasc. 1*

**legendum:**

p. 6, n. 11	Aristarchus
7, l. 3	π<ε>ιστέον
7, l. 4	εἰ καὶ δοκεῖ
8, l. 4 <i>a fine</i>	Codex Angelic.
8, n. 23	see S. West in:
8, n. 27	A. R.
12, n. 4	<i>tome</i> [...] établi
13, l. 3	quarum utramque nihil
14, l. 2–4	gewöhnliche [...] enthält [...] Rücksicht
16, n. *, l. 4	Charalambos
16, n. 1, l. 3	Archaïsme
16, n. 2, l. 4	<i>Inscriptions</i>
19, n. 9, l. 2	<i>Athènes et Chypre à</i>
21, n. 20, l. 2	<i>d’Achoris à Karnak</i>
22, n. 26	archaïque
25, n. 41	nachlässig [...] glückliche
26, n. 55, l. 1	à l’étude
26, n. 55, l. 4	ΑΠΑΡΧΑΙ
33, n. 15, l. 7	in this same note
33, n. 16, l. 3 <i>a fine</i>	μὲν
43, n. 6	$\Rightarrow d^2 = (r+h) \times (h+x)$
51, l. 8 <i>a fine</i>	diminuant
55, l. 7	« vice
56, l. 9	le cas
91, n. 1, l. 3	πρακτικὴ
94, n. 2, l. 6–7	πλῆθος [...] Χριστός
102, n. 28, l. 2	αὐτὸν
103, n. 29, l. 20	οἱ
103, n. 29, l. 3 <i>a fine</i>	βεβαιούμενοι
104, n. 30, l. 4 <i>a fine</i>	<i>Refutatio</i>
108, l. 6	ἐναντίον
109, n. 47, l. 5	ἄγνωστον
112, n. 59, l. 5	что Ириней мог
113, n. 59, l. 6	etwa
144, n. 4, l. 5–6 <i>a fine</i>	изначально
145, n. 7, l. 4	Zürich
146, n. 9, l. 3	и “богословие”
147, n. 12	d’où [...] systèmes [...] siècles

*Corrigenda ad vol. 14, fasc. 1*

**legendum:**

p. 6, n. 11	Aristarchus
7, l. 3	π<ε>ιστέον
7, l. 4	εἰ καὶ δοκεῖ
8, l. 4 <i>a fine</i>	Codex Angelic.
8, n. 23	see S. West in:
8, n. 27	A. R.
12, n. 4	<i>tome</i> [...] établi
13, l. 3	quarum utramque nihil
14, l. 2–4	gewöhnliche [...] enthält [...] Rücksicht
16, n. *, l. 4	Charalambos
16, n. 1, l. 3	Archaïsme
16, n. 2, l. 4	<i>Inscriptions</i>
19, n. 9, l. 2	<i>Athènes et Chypre à</i>
21, n. 20, l. 2	<i>d’Achoris à Karnak</i>
22, n. 26	archaïque
25, n. 41	nachlässig [...] glückliche
26, n. 55, l. 1	à l’étude
26, n. 55, l. 4	ΑΠΑΡΧΑΙ
33, n. 15, l. 7	in this same note
33, n. 16, l. 3 <i>a fine</i>	μὲν
43, n. 6	$\Rightarrow d^2 = (r+h) \times (h+x)$
51, l. 8 <i>a fine</i>	diminuant
55, l. 7	« vice
56, l. 9	le cas
91, n. 1, l. 3	πρακτικὴ
94, n. 2, l. 6–7	πλῆθος [...] Χριστός
102, n. 28, l. 2	αὐτὸν
103, n. 29, l. 20	οἱ
103, n. 29, l. 3 <i>a fine</i>	βεβαιούμενοι
104, n. 30, l. 4 <i>a fine</i>	<i>Refutatio</i>
108, l. 6	ἐναντίον
109, n. 47, l. 5	ἄγνωστον
112, n. 59, l. 5	что Ириней мог
113, n. 59, l. 6	etwa
144, n. 4, l. 5–6 <i>a fine</i>	изначально
145, n. 7, l. 4	Zürich
146, n. 9, l. 3	и “богословие”
147, n. 12	d’où [...] systèmes [...] siècles